

ИСТОРИЯ СТАЛИНИЗМА: ЖИЗНЬ В ТЕРРОРЕ. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕССИЙ

ДЕБАТЫ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,
18-20 ОКТЯБРЯ 2012 Г.

Оргкомитет конференции:

*Даниил Гранин (почетный председатель),
Александр Дроздов, Евгений Волк, Юлия Кантор,
Александр Кобак, Владимир Лукин, Сергей Мироненко,
Михаил Пиотровский, Арсений Рогинский, Андрей Сорокин,
Михаил Федотов, Олег Хлевнюк*

Москва
2013

Редакционный совет серии:

- Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов,
О. В. Хлевнюк

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕССИЙ: ПЕРЕХОД НА НЕЛЕГАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЛИТВЕ В 1944–1953 гг.

Начавшуюся летом 1944 г. вторую советскую оккупацию большая часть населения Литвы приняла как временную. Оно было уверено в возможности скорого освобождения и восстановления независимого государства путем новой войны или политического давления бывших союзников на СССР. Это породило целый ряд форм сопротивления новой власти, в том числе ожесточенную партизанскую войну. Однако далеко не каждый хотел и мог взять оружие.

Первые послевоенные годы население Литвы самыми разными формами старалось избежать мероприятий новой власти, направленных на быстрое «преобразование» всего общества и сопутствующих репрессиями. Весьма распространенным примером поведения стало скрывание, переход на нелегальное положение (в терминологии органов НКВД–КГБ появилось определение «нелегалы»). Люди надеялись переждать время в тайных убежищах, приобретали фальшивые документы и под новыми фамилиями уезжали искать работы в другие регионы Литвы. Главная цель настоящей работы – определить причины и масштаб феномена перехода лиц гражданского населения на нелегальное положение. Изучается поведение именно представителей гражданского населения, полностью безоружного и прямо не вовлеченного в партизанскую войну. Этот феномен непосредственно связан с солидарностью общества, так как все «нелегалы» и их «пособники» становились мишенью репрессивных органов.

Литовская историография до сих пор на этот феномен не обратила должного внимания¹, его заслоняют открывшиеся возможности изучать самые острые проблемы истории послевоенной Литвы – ре-

---

¹ Специально этот вопрос в научной литературе Литвы не изучался, кроме статьи автора о скрывании католического духовенства в 1944–1956 гг.: Laukaitytė R. Lietuvos dvasininkų slapstymasis pokariu. *Lituanistica*, 2011. Т. 57. № 2 (84). Р. 129–140.

прессии, партизанское сопротивление. Однако в исследованиях вопросов сталинского террора часто встречаются обобщенные данные о скрывавшихся, о борьбе органов госбезопасности с этим явлением², почти каждый из вышедших в постсоветский период многочисленных воспоминаний репрессированных также включает такие эпизоды. Широкая база источников и косвенных исследований позволяют подробнее изучить данную проблематику. Она тем более актуальна, что присутствие гражданских «нелегалов» не является исключительной чертой послевоенной Литвы.

Причины перехода на нелегальное положение

Анализ причин, побуждавших людей скрываться, связан с двумя аспектами: 1) уверенностью в неминуемые скорые политические перемены – освобождение Литвы, и 2) угрозой возможных или неизбежных репрессий.

Часть общественности Литвы упорно не верила в исход Второй мировой войны, несмотря на прошествие месяцев и лет, оно принимало желаемое за действительное и жило ожиданием скорых политических перемен. Надежда поощрялась убеждением, что демократии Запада будут следовать «Атлантической хартии», декларации, подписанной 14 августа 1941 г. президентом США Франклином Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем. Один из ее пунктов гласил, что их страны «уважают право всех народов избирать форму правления, при которой они будут жить, и они желают видеть суверенные права и самоуправление восстановленными для тех, кто был насильственно лишен их»³. Позже к этой декларации присоединились многие другие страны, также и СССР. В накаленной международной политической обстановке, с переходом на этап «холодной войны» население Литвы ожидало, что Сталин будет вынужден вывести войска из оккупированных территорий, тем более что на Западе был известен масштаб сопротивления режиму⁴.

Международные события 50-х – начала 60-х гг. XX века, продемонстрировавшие самое резкое охлаждение взаимоотношений не-

---

² См.: Tininis V. The Establishment of the Communist Regime in Lithuania and its Crimes. The Second Soviet Occupation (1944–1953). Vilnius, 2009; Anušauskas A. Lietuvių tautos sovietinis naikinimas 1940–1958 metais. Vilnius, 1996; Anušauskas A. Teroras 1940–1958. Vilnius, 2012.

³ Атлантическая хартия, см.: URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1900–1945/atlanticheskaya-hartiya.php>

⁴ Brazaitis J. Vienų vieni. Vilnius, 1990. P. 189, 227–228; Rauda P. Nesuprantami mums Tavo, Viešpatie, keliai. Vilnius, 2000. P. 201.

давних союзников, такие, как появление доктрины Трумэна, план Маршалла, блокада Берлина и основание НАТО, а позже война в Корее, пробуждали большие надежды к освобождению народов Восточной Европы и Балтийского региона. Партизаны и часть населения в Литве годами не теряла надежды, что война между СССР и США может начаться в любой день⁵.

Ожидания поощрялись не только слухами, истолкованием международных политических новостей, сообщаемых советскими газетами, но и западными радиостанциями⁶. Несмотря на все усилия советских и немецких властей по изъятию радиоприемников в 1940–1944 гг., у населения сохранилась часть аппаратов. Зарубежные радиостанции многими считались единственным источником достоверной информации, не считая такой же опасной партизанской печати. Последние каждый отголосок холодной войны были склонны истолковывать в надеждах на реальные политические перемены в СССР и в Литве.

Другой аспект причин перехода на нелегальное положение – запуганность населения информацией о режиме большевиков и безвыходность положения при угрозе мобилизации, ареста или ссылки. Предыстория партизанской войны связана именно с надеждами скорого освобождения извне и попыткой мужчин призывных возрастов избежать мобилизации в Красную армию. Призывники были первой социальной группой, часть которой уже осенью 1944 г. ушла в подполье⁷, однако только часть из них вооружились и примкнули к партизанским соединениям. Процент призывников был самый большой среди скрывавшихся индивидуально.

Вскоре нелегальное положение стало спасением и для представителей других социальных групп, так как советский режим стал преследовать целые классы – буржуазию и «кулаков», начались репрессии против учителей, военных и других интеллигентов – бывших политических и общественных деятелей периода независимости, как и широкого круга их родственников. В тоталитарной системе никто не мог чувствовать себя в безопасности.

Репрессии прежде всего выполняли функции «чистки» и устрашения населения Литвы перед наступающими мероприятиями советизации. Задним числом вступили в силу законы СССР, вследствие

---

⁵ Girnius K. *Partizanų kovos Lietuvoje*. Vilnius, 1990. P. 344–352.

⁶ Jurgaitis J. *Aukos kelis*. Vilnius, 1992. P. 8. «Голос Америки каждый день передавал: «Мужчины, не идите в капкан. Подождите еще 5, 10 или 15 дней. Вас освободят американцы, которые придут из Германии»», – писал в воспоминаниях Ионас Юргайтис.

⁷ Girnius K. *Partizanų kovos Lietuvoje*. P. 107–111, 343–344; Pocius M. *Kita mėnulių pusė. Lietuvos partizanų kova su kolaboravimu 1944–1953*. Vilnius, 2009. P. 57.

чего почти каждый гражданин довоенной независимой Литвы уже был «виновен». По меркам сталинского режима (и критериям работы следователей органов НКВД–КГБ) он мог быть приговорен если не за настоящую антисоветскую деятельность, то за предвоенную, за то, что состоял членом общественных или религиозных организаций (объявленных «реакционными», «направленными против СССР» или «революционного движения рабочих»), имел изданные перед войной книги или журналы – предмет «буржуазной пропаганды» и т. п. Репрессии грозили и пособникам немецких оккупационных властей, прослойка которых в Литве могла быть преумножена до бесконечности, так как немецкая система управления после советского «революционного похода» 1940–1941 гг. с национализацией недвижимости, притеснением церквей, первыми массовыми ссылками и т. д. населением была встречена с облегчением.

Ряды перешедших на нелегальное положение лиц приумножили и те, которые, попавшись в сети репрессированных органов, испытали принуждение сотрудничать с НКВД–КГБ в обмен на свободу. Согласившись и выйдя из тюрьмы, такие лица, как правило, старались «исчезнуть» из виду, переждать время.

Страх перед тоталитарным режимом, притом считавшим литовцев «враждебной» этнической группой, стал причиной для попыток скрыться для тысяч людей.

Масштаб скрывания

Масштаб скрывания очень трудно определить. Почти каждая семья (даже высоких партийных функционеров) имеет подобный «скелет в шкафу» – может рассказать об изменении фамилии хотя бы одной буквой, поправках других паспортных данных, как и местонахождении известного бункера или историю о нелегальном способе выживания в годы сталинского террора.

Масштаб попыток скрыться был непосредственно связан с акциями властей – призывами новобранцев, массовыми депортациями. Социальные группы, более поддающиеся анализу данной проблемы, – призывники, семьи потенциальных ссыльных и лица, бежавшие из мест ссылки, священнослужители.

С первых недель оккупации Литвы советские органы начали мобилизацию мужчин 18–35 лет в ряды Красной армии. Их почти сразу, без военной подготовки, отсылали на фронт. Грубо нарушая Гаагскую конвенцию 1907 г. о законах и обычаях военного времени, с осени 1944 до начала 1945 г. в Литве было мобилизовано более 100 тысяч

мужчин⁸. Осознавая свои права, население оккупированного государства, призывники не регистрировались в призывных пунктах, как это делали и в годы немецкой оккупации, игнорируя призыв в литовский батальон СС. Народный комиссар госбезопасности Александрас Гузявичюс весной 1945 г. был вынужден главе ЛКП(б) сообщить: «Мужчины призывного возраста избегают мобилизации в Красную армию, уходят в леса, скрываются у своих знакомых, пытаются устроиться в разные работы и приобретают фиктивные документы»⁹.

Однако советский режим в отличие от нацистского с сентября 1944 г. предпринял облавы призывников. Каждый скрывавшийся мужчина, с ружьем или без ружья, был объявлен «бандитом», а их семьи – семьями «бандитов»¹⁰. В результате кровавых расправ со скрывающимися до декабря 1945 г. под ружьем в военные комиссариаты было доставлено 46 674 мужчины¹¹. Тем не менее число скрывающихся ежедневно увеличивалось, и к началу 1945 г. их было уже 58 620¹². В масштабах Литвы это довольно большая цифра – город далеко не средних размеров.

Альтернативой скрыванию, чреватой тяжкими последствиями (по подсчетам историка Арвидаса Анушаускаса, за полтора года в 1944–1945 гг. от рук бойцов НКВД погибло 12 266 лиц, из них около 5 тысяч – невооруженных, то есть не являвшихся участниками партизанской борьбы¹³), была так называемая легализация. Все же, хотя в Литве периодически объявлялись амнистии для вышедших из леса мужчин, легализовавшихся, население имело веские доводы не верить в обещания режима. Например, до 1957 г. легализовались 38 838 мужчин, из них 30 488 избежавших мобилизации, 8350 партизан, дезертиры и пр. Все легализовавшиеся потерпели давление предать «пособников», около 8 % избежавших мобилизации попали в тюрьмы¹⁴.

---

⁸ Tininis V. The Establishment of the Communist Regime in Lithuania and its Crimes. The Second Soviet Occupation (1944–1953). P. 90–91.

⁹ Письмо А. Гузявичюса секретарю ЛКП(б) Антанасу Снечкусу от 7 марта 1945 г., см.: Tininis V. Prievarinl mobilizacija, Lietuva Antrajame pasauliniame kare. Vilnius, 2007. P. 521.

¹⁰ Anušauskas A. Teroras 1940–1958. Vilnius, 2012. P. 196.

¹¹ Tininis V. The Establishment of the Communist Regime in Lithuania and its Crimes, The Second Soviet Occupation (1944–1953). P. 94.

¹² Ibid. P. 92; M. Pocius, Kita mėnulio pusė. Lietuvos partizanų kova su kolaboravimu 1944–1953. P. 57.

¹³ Anušauskas A. Lietuvių tautos sovietinis naikinimas 1940–1958 metais. P. 261–262.

¹⁴ Tininis V. The Establishment of the Communist Regime in Lithuania and its Crimes, The Second Soviet Occupation (1944–1953). P. 94–95.

Другая социальная группа населения, с которой репрессивные структуры имели большие трудности во время карательных акций в Литве – это семьи «кулаков» и «бандпособников» (как правило, многодетные), подлежащие депортации в отдаленные районы СССР. Довольно многие из них не стали дожидаться депортации. Например, во время первой волны массовой депортации карательные подразделения не обнаружили 3236 семей и 3912 отдельных лиц. В марте 1949 г. ссылки избежало 13 777 лиц. Правда, местные органы МГБ незамедлительно составили дополнительные списки, в которых было включено 5235 людей¹⁵. Все же некоторым таким образом удалось избежать участи ссыльных или хотя бы спасти детей, отосланных к родственникам, знакомым. Ценой такого спасения, как правило, была утрата имущества, лишение собственного крова.

Категории скрывавшихся дополнили и сами ссыльные, которым удалось бежать по дороге или с мест проживания из-за нетерпимых условий, голода. Некоторые из них нелегально возвратились на родину. До конца 1949 г. из мест ссылки бежали 1722 литовца, однако 1070 были задержаны¹⁶. Кажется, что по сравнению со ссыльными других национальностей литовцы были гораздо больше склонны к побегу: в феврале 1948 г. в розыске находились 603 литовца, то есть 11,8 % всех сосланных в 1945–1948 гг., 3,3 % украинцев и 2 % русских¹⁷.

В послевоенные годы скрывался каждый десятый католический священник Литвы¹⁸. Причины такого поведения были такие же, как у других социальных групп – стремление избежать репрессий, принуждения сотрудничать с органами госбезопасности. Священники выгодно выделялись среди других групп скрывавшихся обширными связями среди прихожан и церковных кругов. До 1949 г. они довольно широко практиковали обмен приходами, выезд в другие епархии, то есть исчезновение из вида. Но эти «преимущества» священников были известны и органам НКВД–КГБ, как и их возможности выдавать новые свидетельства о рождении, обеспечить укрытие в просторных церковных постройках. Священники были под особым надзором, их наблюдали целые группы агентов и информаторов.

Возможности скрыться с каждым годом сужались, особенно после 1948 г. Население потерпело от ссылок, кроме того, в процессе всеобщей национализации частной недвижимости, церковной собственности, здания переходили от рук в руки. Тем самым исчезали надежные

---

¹⁵ Anušauskas A. Lietuvių tautos sovietinis naikinimas 1940–1958 metais. P. 325.

¹⁶ Anušauskas A. Teroras 1940–1958. P. 263.

¹⁷ Ibid. P. 206.

¹⁸ Laukaitytė R. Lietuvos dvasininkų slapstymasis pokariu. Lituania, 2011. T. 57. № 2 (84). P. 130.

места скрывания¹⁹. Свою работу сделали агенты и информаторы КГБ, сеть которых в Литовской ССР с каждым годом разветвлялась все шире. Население было напугано репрессиями: приказом народного комиссара внутренних дел генерал-майора Юозаса Барташюнаса от 15 февраля 1946 г. лица, располагавшие бункерами и тайными убежищами, должны были понести ответственность как «бандиты», а располагавшие информацией о таковых – как пособники «бандитов». Этот приказ был отпечатан в 160 тысячах экземплярах и повсеместно распространен¹⁹.

Только немногим удалось утаиться на долгие годы и выйти из подполья после смерти Сталина, когда началась «оттепель» режима и легализация не имела непредсказуемых или тяжелых последствий. Было довольно много случаев, когда люди жили и работали, создавали собственные семьи с поддельными документами, а то и скрывались от чужих глаз в убежищах по 10 и больше лет. Дети преследованных и казненных партизан, бывших политических деятелей выросли в Литве под чужими именами²⁰.

«Оттепель» режима дала возможность «нелегалам» заявить свои настоящие имена, легализоваться. Правда, органы КГБ снисходительно смотрели на дела легализировавшихся гражданских лиц (притом известные в предвоенной Литве фамилии не возвращались). Неопределенность условий легализации, поощряемых слухами, способствовала лишь частичному ее результату: люди скрывались и после 1956 г. Например, последний католический священник, скорее всего, легализовался в 1958 г.²¹, в то время как многие партизаны продолжали находиться в розыске (последний из них был выслежен и погиб в 1965 г.²²). Некоторые люди так и прожили свою жизнь, не раскрыв истинной идентичности.

---

¹⁹ Anušauskas A. Lietuvių tautos sovietinis naikinimas 1940–1958 metais. P. 268.

²⁰ Например, дочь одного из руководителей партизанского движения Литвы генерала Адолфаса Раманаускаса (скрывавшегося с семьей 12 лет, для его поиска было завербовано 30 агентов; в 1956 г. он был арестован, в 1957 – расстрелян) Ауксе Раманаускайте. Также дочери генерала Стасиса Раштикиса, бывшего главнокомандующего армией Литвы, которые еще в 1941 г. были сосланы с семьей родителей матери в Сибирь (1, 4 и 11 лет; самая младшая скоропостижно умерла). После войны по оперативным соображениям девушки были возвращены в Литву, чтобы установить контакт с проживавшим в Германии отцом. По неудачному исходу операции в 1948 г. им удалось скрыться и избежать повторной ссылки (как была сослана их 85-летняя бабушка). Девочки выросли в Литве врозь под чужими фамилиями, переходя из одной семьи в другую. После смерти Сталина обе легализовались.

²¹ Laukaitytė R. Lietuvos dvasininkų slapstymasis pokariu. *Lituanistica*, 2011. T. 57. № 2 (84). P. 136.

²² Lietuvos kariuomenės karininkai 1919–1953. Vilnius, 2004. T. 4. P. 267–268, 366.

Методы скрывания

Угроза репрессий побуждала население предпринять кратковременные или более проницательные меры: начиная с ночлега вне дома и кончая отказом от «кулацкого» хозяйства, рассеиванием членов семьи, сменой идентичности. Однако стимулом к скрыванию чаще всего было импульсивное решение в момент неизбежного ареста.

Население было свидетелем многих массовых ссылок (с 1941 г.), потому очередные приготовления – прибытие свежих подразделений НКВД, пустых составов на железнодорожных путях – служили предупреждением²³. Как свидетельствуют воспоминания, люди разными путями узнавали о содержании секретных списков лиц, подлежащих депортации. Чаще всего ожидалось, что скрывание будет недолгим, и, узнавши об опасности, люди просто старались не ночевать дома, переждать время массовых акций.

Следующим шагом стало оборудование тайных убежищ в своем доме, в лесу, где скрывались попавшие в группу риска члены семьи или знакомые. Такие убежища, бункера строились как в деревнях, так и в городах, действовали очень надежно и обнаруживались чаще всего только в случае доноса.

Самым распространенным и эффективным методом скрывания было «исчезновение» из виду – переезд на другое место жительства, в города. При этом многие приобретали фальшивые документы или меняли данные в собственных. Неоценимую помощь оказывали священники разных конфессий, выдавая «поправленные» свидетельства о рождении или новые – под чужими фамилиями.

Изготовление фальшивых документов – удостоверений, военных билетов, паспортов – было довольно хорошо налажено из-за плохого их качества. Удостоверения представляли собой просто листки бумаги, их записи и печати легко подделывались, цена подделок достигала 350–6000 руб. Правда, режим осознавал свою неспособность обеспечить население качественными документами и компенсировал это частой их заменой. Сначала местные отделы НКВД выдавали населению «временные удостоверения», которые в 1946 г. меняли в краткосрочные (на 5 лет) паспорта.

Некоторые «нелегалы» выезжали из Литвы, чаще всего в Ригу, Ленинград. Можно сделать предположение, что в этих больших городах вблизи границы происходил поиск путей выезда из СССР. Однако из-за тотального контроля населения, широкого внедрения сети ин-

²³ Anušauskas A. Lietuvių tautos sovietinis naikinimas 1940–1958 metais. P. 325.

форматоров нелегальное пребывание в этих городах чаще всего было кратковременным и заканчивалось арестами²⁴.

Эффективнее всего скрывались дети, подростки (им оказывали содействие родственники и совсем чужие люди) и женщины, так как в центре внимания органов НКВД–КГБ были мужчины.

Выводы

Опасность, с которой столкнулась масса жителей Литвы, и почти каждодневное ожидание скорых политических перемен обусловило широкое распространение типа поведения – феномен скрывания, перехода на нелегальное положение. Этот феномен приобрел большой масштаб: массово скрывались призывники в Красную армию, а также лица, избегавшие ареста, депортации, принуждения сотрудничать с органами госбезопасности, бежавшие из мест ссылки и др. Хотя люди ожидали, что пребывание на нелегальном положении будет недолгим, надежды на крах советской системы не оправдались. Скрывание чаще всего заканчивалось арестом или легализацией (особенно после 1953 г.).

Масштаб перехода на нелегальное положение послужил эскалации насилия, однако таким поведением и скрыванием потенциальных жертв население Литвы выражало солидарность и неповиновение режиму. Этот феномен тормозил процесс советизации, вовлекая в сферу подпольной деятельности даже пассивных лиц.

---

²⁴ Например, попытку скрыться в Риге предприняли католические священники Адомаас Алминас, Ионас Гаубас, дважды Матас Шермукшнис; Степонас Телкснис был арестован в Ленинграде. Были и более удачные случаи: известный библиофил, бывший майор Литовской армии (в 1941 вышел в отставку) Пятрас Якштас в 1944–1955 гг. нелегально проживал в Риге, потом легализировался и вернулся в Литву.